

Павел Владимирович Засодимский

История одной уставной грамоты

Павел Владимирович Засодимский

История одной уставной грамоты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631755

*Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей 60-70-х годов XIX
века: Современник; Москва; 1986*

Аннотация

«...Алексея я нашел у избы на завалинке. Он сидел, грелся на вечернем солнышке и задумчиво чертил что-то палкой по земле. Постарел приятель!.. Когда я уезжал из деревни, ему было около сорока лет, и он тогда выглядел молодец молодцом. А теперь борода его сделалась совсем сивая, лицо сморщилось, потемнело, грудь ему точно что-нибудь вдавило, плечи подались вперед, опустились – и весь он как-то сгорбился, сделался ниже, меньше...»

Содержание

Павел Владимирович Засодимский

17

Павел Владимирович Засодимский История одной уставной грамоты *(Из деревенских летописей)*

Ровнехонько двадцать четыре года не был я на родной стороне. Уехал я из деревни в конце зимы 1864 года, а ныне весной только приехал домой – повидаться с родными. Много перемен нашел я в деревне. Старики померли; те, что были в мое время мальчишками, сделались бородатými мужиками; молодые, здоровые парни состарелись.

В день моего приезда – в теплый майский день – над нашей стороной пронеслась первая весенняя гроза. Когда дождь перестал и солнце выглянуло из-за темных клочков разорвавшихся туч, я отправился в деревню, к своему старому другу-приятелю, Алексею-кузнецу. Деревня показалась мне такой жалкой, такой убогой, какой я никогда еще не видал ее. Я увидел покривившиеся избы с подслеповатыми оконцами, бревенчатые стены, почерневшие от недавнего дождя, серые полусгнившие соломенные крыши, поразметанные ветрами, грязную улицу и груды соломы и навоза в проулках между избами и на задворках. У некоторых

изб двери и окна были наглухо заколочены досками. Посреди этих темных, полуразвалившихся хат две новые избы ярко блестели на солнце своими белыми сосновыми стенами. А одна из этих изб, большая, двухэтажная, была построена на городской манер и напоминала собой выскочку, вырядившегося в новое платье за счет «черни» и неуместно задиравшего нос перед той же самой «чернью»...

Алексея я нашел у избы на завалинке. Он сидел, грелся на вечернем солнышке и задумчиво чертил что-то палкой по земле. Постарел приятель!.. Когда я уезжал из деревни, ему было около сорока лет, и он тогда выглядел молодец молодцом. А теперь борода его сделалась совсем сивая, лицо сморщилось, потемнело, грудь ему точно что-нибудь вдавило, плечи подались вперед, опустились – и весь он как-то сторбился, сделался ниже, меньше. Алексей сидел понурившись, но, услышав мои шаги, лениво поднял голову и из-под руки посмотрел на меня своими серыми, теперь слезившимися глазами. Солнышко мешало ему, и он не сразу признал меня. Поздоровались, поцеловались трижды, и я сел с ним рядом на завалинку.

– Ну, брат, Алексей, постарел же ты! – сказал я, посмотрев на его глубокие морщины и на седые, слегка выющиеся волосы.

– Да и ты, парень, не помолодел! – с тихой усмешкой промолвил он, пристально поглядев на меня.

– Что и говорить! – согласился я.

Я взял папиросу, другую подал Алексею; закурили и с минуту курили молча. Нам хотелось разом о многом поговорить, но слов как-то не находилось.

– Ну, как же вы, други мои, без меня поживали? – спросил я.

– Да так вот и поживали – плохо! – отвечал Алексей и, поговядя немного, стал мне рассказывать о своих семьянах. Старуха его уже давно умерла; сын его, Петр, побывал в солдатах и воротился домой; теперь он со стариком управляется в кузнице; Мишутка давно женат и дети есть; три дочери замужем, одна в девках осталась.

– Вместе живете? Не поделились? – спросил я Алексея.

– Нет, бог миловал! – проговорил он. – Бабы-то промеж собой пошумят иной раз. Известно, без шуму у них никак нельзя, – то из-за плошки, то из-за поварешки дело затеют. Да ведь это что!.. Их пожалуй, не переслушаешь. Тут, братец, главное дело, чтобы мужья не путались в их бабьи пересуды: уж они сами промеж собой разберутся... Пофыркают, постучат ухватами и угомонятся...

– А в деревне у вас что нового? – спрашивал я.

– Нового?.. А вон кабак новый! – с усмешкой сказал Алексей, махнув головой в ту сторону, где видна была новая изба с вывеской кирпичного цвета и с надписью белыми буквами: «Питейная лавка». – Недавно, лет пять тому будет, завелась у нас еще одна лавка. Нимфодорку-то помнишь? Так вот, значит, ейная дочь теперь лавочницей... И все-то, бра-

тец, у нее есть: ситцы французские, керосин и табачище, и для девок всякая дрянь.

Когда я уезжал из деревни, уставная грамота еще не была утверждена, и у крестьян с помещиком шли споры из-за наделов. Теперь мне припомнилось это обстоятельство, и я спросил Алексея: как у них кончилось дело с барином?

– Да никак не кончилось! – коротко ответил Алексей.

– Как же это?.. В двадцать пять лет распутаться не могли?

– Да вот! – мотнув головой, сказал Алексей. – Встало наше дело – ни взад, ни вперед, хошь ты что скажи! Ни в кузов не лезет, ни из кузова не идет. Иной раз подумаешь – даже самому чудно станет... Ровно нас кто обошел – ей-богу, право!

– Да вы, братцы, и в самом деле, никак, очумели! В двадцать пять лет не могли наделов выправить...

– Гм! Очумеешь тут... Пожил бы ты в нашей шкуре, так и сам бы, дружок, не хуже нашего очумел...

Алексей вздохнул и, понурившись, стал чертить палочкой по земле. Я поглядел на него. Глаза его тупо смотрели на грязную деревенскую улицу, на ту пору залитую золотом солнечных лучей; губы его подергивались какою-то странною, болезненною улыбкой.

– За чем же дело стало? – продолжал я допытываться.

– А затем и стало, что никак разобраться не можно...

– Да ты расскажи толком!

– Э-эх! Да что уж рассказывать... Одно слово, дело наше вышло дрянь! – почесав затылок, начал Алексей. – Во-

ля-то, братец ты мой, ведь порешилась еще при старом барине, при Василье Иваныче, а посредником¹ в те поры был у нас Митрий Михайлыч – чай, помнишь! Барин-то наш ему кумом приходился, все у него детей крестил... Ну, вот этаким-то манером Митрий Михайлыч нам болото в надел и отхватил... Пустой Лог знаешь, поди, – в ту сторону, к Верейкину. Уж точно что – пустой лог... ни лесу, ни покосу, а там – только мох растет да белоус... А что за трава белоус, сам знаешь: ни к лешему не годится... Ни в корм ее, ни в подстилку! Прямо сказать, самая пустая трава... Посмотрели наши мужики, потолковали да и говорят: «Не возьмем мы Пустого Лога!» А Митрий Михайлыч ходит по пустоши да тросточкой в землю тычет: «Чтой-то вы, братцы, говорит, делаете? Земля-то, говорит, – чистый чернозем. Этакую-то землю даже и поп возьмет, не токмо что, говорит, вашему суконному рылу. Ежели, говорит, теперича кочки срезать, канавку прокопать вот тут да там, так земля-то, говорит, совсем преобразится, – у вас, говорит, на этакой земле не токмо что трава, виноград расти станет». А мы опять ему: «Нет, ваше благородие! Хошь что скажи, не возьмем мы этого лога! Винограду-то еще дожидайся, зубы, гляди, позеленеют до той поры, а за землю-то плати! Не заплатишь, спиной ответишь за этот самый виноград-то!» Хошь лесу-то нонече и мало стало

---

¹ Должности мировых посредников были упразднены в 1874 г., их функции переданы уездным по крестьянским делам присутствиям. Имеется в виду непрременный член этого присутствия.

в нашей стороне, а прутья-то все-таки есть. Спуску, братец мой, не дают...

– Ну, как же вы сделали? – спросил я.

– Да так и сделали... и говорим ему: «Ведь в «Положении», ваше благородие, сказано, чтобы отводить надель из той земли, какой мы владели до воли, а Пустым Логом, говорим, мы не пользовались, да и никто испокон веку не пользовался им, потому – земля бросовая, ни к чему». А он на нас: «Вы, говорит, криво толкуете «Положение»! Ежели, говорит, из прежнего вашего владения надель не выходит, так помещик, говорит, волен прирезать земли, где ему угодно». Чуешь, братец, куда он загнул?

Я молча кивнул ему головой.

– Так мы в ту пору и не столковались. Митрий Михайлыч с барином написали было уставную грамоту, а мы согласия не дали – так у нас дело и пошло и пошло... После Митрия Михайлыча в посредниках у нас сидел Верхов, Владимир Александрович. Человек был ничего себе, добрый, все больше на скрипке играл. Выйдет, бывало, к нам, подбородком в скрипочку упрется, голову свернет в сторону, как журавль, и пиликает, пиликает, а сам все кланяется да кланяется... Мы на первом порах тоже, бывало, стоим да кланяемся, а потом как разобрали, что это он не кланяется, а так, значит, просто головой вертит, чтобы ему играть было способнее, – и мы перестали ему кланяться. А обходительный, тихий был господин – нечего пустое болтать. Выйдет, бывало, и спраши-

вает: «Что, голубчики, скажете?» Так и так, мол, говорим, пришли к вашей милости... «Все небось, говорит, о наделах вопрос». – «Так точно, мол, ваше благородие! О чем же нам больше?» – «Положились бы вы, говорит, лучше миром с помещиком! Василий Иваныч, говорит, человек покладливый. Попросите его хорошенько! Вы, значит, немножко уступите, он немножко прибавит вам полевых угодий. Вот и будет все отлично!» Говорит этак, а сам все на скрипке наяривает – только визготок стоит... А иной раз спохватится: «Опять, говорит, соврал!» Знамо, это он насчет скрипки... А старик наш, Крысан, слышит-то худо, не разобрал да один раз сдурю и ляпни ему: «Так точно, ваше благородие!» Я невольно рассмеялся.

– Нахмурился, братец ты мой, вдруг ровно проснулся, посмотрел на Крысана и говорит: «Совсем я не с вами разговариваю!» Ну, после того мы опять ему говорим: «Рады бы радостью мирно-то порешиться, да барин, говорим, уперся: ходили, просили – ничего не берет. Ослобоните, говорим, ваше благородие, от Пустого Лога! Никак нам невозможно принять его!» – «Вот уж, говорит, я посмотрю, обойду все наделы... А теперь, говорит, мне некогда! дел много». А сам весь изогнется, смычком-то так и сверкает и ножкой притопывает. И так это, братец, иной раз он своей скрипкой проберет – сказать не могу, целый день после того в ушах звенит... Эх, шут его дери!

Алексей выразительно покачал головой.

– Ну, вот и пошли у нас суд и дело, – продолжал рассказчик. – Барин выставил своих свидетелей, мы своих, и пошли опять наделы осматривать. Пришли на Пустой Лог. Посредник наш ходит да посвистывает, то сорвет травку – понюхает, то сапогом землю пороет. «Что ж, говорит, господа-мужички! Я не вижу ничего худого, – земля, как земля». – «Разве, говорим, земля такая бывает? Это что? Мох да белоус – только и всего... Почто нам такую землю? Ежели бы, говорим, в нашей стороне олени водились, так хошь их кормили бы этим мохом; а то оленей нет, а скот есть не станет». – «Положим, говорит, на земле всякие перемены бывают: может, говорит, и у вас когда ни на есть олени заведутся»... А сам смеется. Известно, ему что! А нам-то не до шуток дело дошло... Так, братец, мы ничего и не выходили. Барин своих свидетелей, обыкновенно, чаем напоил, водкой попотчевал, ну, те и показали, что «земля удобная», а мы опять при своем остались. «Неудобная земля!» – говорим, да и шабаш... Погодя мало, опять мы пошли к Владимиру Александрычу. Вышел он опять к нам со скрипкой и триндикает. «Что, говорит, миленькие, скажете? Все небось о наделах?» – «Так точно, говорим, ваше благородие!» – «Не бойтесь, говорит, ничего! Все, говорит, хорошо обойдется. Вот ужо, говорит, погодите!» А сам на скрипке-то как завизжал да завизжал – просто все нутро выворотил... Лучше бы, кажется, посади он нас в «холодную» – легче было бы! Ей-богу, право! Тут я достал папирос, и мы с Алексеем опять закурили.

– Так прошло много лет... Все мы годили, – повествовал рассказчик. – Посредники у нас сменились; пошли вместо них непременно. А нам легче от того не стало... Барин помер, имение перешло его племяннице. А мы все годили. Три посредника да четыре постоянных сменились, а дело наше, прямо сказать, как на мель село... Что совой о пень, что пнем о сову – все один черт... Как новый постоянный, так сейчас у нас наделы осматривать... Потом идет наше дело в уездное присутствие, а оттуда – в губернию; в губернии оно уж и застрянет, лежит до нового постоянного. Как новый постоянный, так опять наделы смотреть... Чисто наказанье божецкое! Всю мы эту пустошь – чтоб ей провалиться! – из конца в конец исходили, все кочки-то, почитай, исковыряли, а толку все нет.

Алексей вздохнул, провел рукой по волосам и задумчиво посмотрел в поле. Солнце уже зашло за дальний перелесок; вершины елей, поднимавшихся над лесом, темными силуэтами отчетливо обрисовывались на ярком фоне заката; последние солнечные лучи красноватым светом догорали на верхах соломенных крыш. Жаворонок где-то высоко над землей допевал свою меланхолическую песенку...

– Был тут у нас один постоянный, – продолжал рассказчик, – Петр Петрович, из военных... Он и выехал-то к нам не больно давно. Уж этакой был крикун и ругатель – и-и-и, не приведи бог!.. Ежели скажешь ему что-нибудь супротивное, сейчас вскипятится, весь скраснеет даже из себя, заорет,

залопочет таково непонятно, слюнами забрызжет во все стороны... А как наделы осматривали, он всех нас чуть в протокол не вписал. Как пришли на пустошь, мы ему и сказываем: «Земля неудобная, ваше благородие, – сами извольте посмотреть! Потому – белоус...» А он как напустился на нас, зарычит: «Что-о? Что-о-о такое? Белоус?» Ногами затопал и просто весь в иступление пришел. То палкой о землю – трах, то за бороду себя хватит. «Вы, говорит, бунтовщики! Вас, говорит, в Сибирь сослать мало... Сицилийцы вы такие!» И начал, и начал... Уж такими-то словами он костил нас – страх!.. Ну барин! Ругаться горазд... Волк его нанюхай!..

Алексей даже усмехнулся при воспоминании об этом крикливом барине.

– А последний непременно был у нас душа человек, хороший барин, добрый и совсем еще молодой. Все он ходил в синей рубахе с пестрым пояском и в длинных сапожищах. Этот совсем было нас обнадежил. «Я, говорит, ваше дело живо порешу. Не сумлевайтесь! Сам переговорю с вашей помещицей... Так, говорит, нельзя дело тянуть, потому – не в порядке, не по закону...» Обещал приехать к нам перед Троицей. Тут мы вздохнули. Ну, думаем, слава богу! дождались, напали на доброго человека... А он, голубчик, после пасхи заболел – заболел да и помер (сухотка, сказывают, была у него). Так мы и остались опять ни с чем...

– В каком же положении теперь ваше дело? – спросил я.

– Да все в таком же: теперь в губернии лежит! – со вздохом проговорил Алексей, низко понурив голову. – Разорились мы от этого дела совсем! Пришлось говорка² нанять, денег давать ходокам, каждый раз свидетелей поить... Вон луг-то за мельницей, по берегу, заложили на десять лет Губатову Илье – тут у нас нынче купец такой проявился... Вишь, хоромы какие смастерил! (Рассказчик махнул рукой по направлению большого двухэтажного дома.) Корму, братец, стало у нас мало, скота убавили, убавилось навоза, а без удобрения, сам знаешь, разве что родит наша земля! Хлеб стал родиться плохой, до рождества иной раз не хватает, весной засеяться нечем... У кого что было, все прожили, а те, кто были победнее, уж давно пошли по миру. Вон видишь: избы-то стоят заколоченны: хозяева значит, побираться ушли. Одно слово – разор! И все бы мы ушли и от земли отказались, да уйти-то не с чем... вот – грех!

– Имение-то, говоришь, досталось племяннице Василья Иваныча? А кто ж она такая? – спрашивал я.

– Приезжая... из Рязани, говорят. Девица... – лет ей сорок с хвостиком будет.

– Ну, что ж? Как она с вами?

– Чудная какая-то... ровно бы юродивая либо дурочка. Шут ее знает! – нехотя, с неудовольствием процедил сквозь зубы Алексей. – С виду такая тихая, смиренная – просто, кажется, водой не замутит... Ребятам нашим все какие-то

---

² «Говорок» по-нашему, по-деревенски, значит «адвокат». (Прим. авт.)

книжки с молитвами раздает; любит о божественном говорить, для церкви радеет. И с нами обходительна, всем «вы» говорит, по имени-отчеству зовет. Покуда о божественном с ней толкуешь, все и идет по-хорошему, а как о деле заговоришь, так и шабаш – ничего и не выходит! «Мне, говорит, чужого не надо, а всяк своим должен пользоваться. Не я, говорит, вам наделы отводила и землю нарезывала – не я, говорит, Пустой Лог сотворила, бог его создал... Земля, говорит, вам дадена по закону... А вы, говорит, возделывайте ее, старайтесь хорошенько... Потому, говорит, – бог труды любит и велел людям в поте лица есть хлеб свой...»

– Не отступает, значит?

– Ни-ни, ни боже мой! Да ведь что говорит-то, ты бы послушал! Ты ужо как-нибудь повидайся с нею! Стоит, брат, посмотреть. Много барынь видали мы на своем веку, всяких перевидали, слава богу, а такой еще не бывало. Бывали и добрые барыни, заступались за нас, бывали и сердитые, сами стегали и таскали за волосы, а этакой диковины еще слыхом не слыхали... Один раз, братец, она нам проповедь сказала. «Вы, говорит, все денег добиваетесь, но не думайте, говорит, что в деньгах счастье. От них-то, от проклятых, вся беда и есть... Надо, говорит, завсегда быть в смирении, терпеть и трудиться. Вы, говорит, не думайте, что богатые люди счастливы! Кусок, говорит, не добром нажитый, впрок не пойдет, а свой кусок слаще сахару...» Ручки сложит и говорит тихо-тихо, ровно батька на исповеди, глаза закатит эвона куда

и все вздыхает... А иной раз такое скажет, что и в толк не возьмешь...

– Плохо ваше дело! – заметил я.

– Как уж не плохо... – начал было спокойно Алексей, но вдруг его ровно прорвало: он выпрямился и стукнул палкой о землю; в его старческих глазах блеснул огонек. – Нет! Ты скажи, милый человек, почто нас разорили? Разорили-то нас почто? А?

Я грустно покачал головой.

Мы замолчали... Скот уже давно прогнали; Алексеевы семьяне возвратились домой и собирались ужинать. Красная вечерняя заря догорала на западе. За деревней темнели полосы незасеянной земли, поросшей бурьяном. С голубого вечернего неба мигали бледные звезды. А на земле темные хаты печально глядели на меня своими крохотными подслеповатыми оконцами.

Павел Владимирович Засодимский (1843–1912)

Родился в небогатой дворянской семье в городе Великий Устюг Вологодской губернии. Детские годы прошли в глухом уездном городке Никольске в общении с простым народом и политическими ссыльными. По окончании Вологодской гимназии поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через полтора года прекратил учебу из-за тяжелого материального положения семьи. С 1865 г. живет скитальческой жизнью: ночлежные дома, грязные петербургские углы, мелкая поденная работа, случайные уроки. Покинув Петербург, странствует по Воронежской, Новгородской, Петербургской, Тверской, Вологодской и Пензенской губерниям, живет в курных избах и вместе с бедняками работает на кулаков.

В 1872 г. по поручению редакции журнала «Дело» совершает поездку по деревням Тверской губернии для изучения сельских кузнечных промыслов. По возвращении работает над лучшим своим произведением «Хроника села Смурина», опубликованном в журнале «Отечественные записки» (1874). Герой романа – крестьянин нового типа, человек с пробуждающимся классовым самосознанием, стремящийся изменить окружающую жизнь. Писатель народниче-

ских убеждений с тревогой и грустью наблюдает расшатывание общинных традиций, классовое расслоение деревенского мира, но в то же время чувствует неистребимость нравственных порывов к добру и справедливости в народной душе.

В эти годы Засодимский становится сельским учителем, обнаруживая незаурядный педагогический талант, пробуждая любовь к просвещению в крестьянах деревни Меглецы. Для взрослых он организует специальную вечернюю школу. На деревенских сходках учитель становится добрым советчиком и неизменным ходатаем по всякого рода крестьянским делам. Но такой человек неугоден местному начальству и сельским богатеям: его высылают из деревни. В романах «Кто во что горазд» (1878) и «Степные тайны» (1880) ставятся коренные проблемы крестьянского бытия, с которыми столкнулся Засодимский в годы своей учительской практики.

В 1883–1884 гг. он публикует в двух томах «Задуманные рассказы» – своего рода «летописи» пореформенной жизни русского мужика. В романе «По градам и весям» (1885) сельский землемер, народник Верюгин, разочарованный неудачами «хождения в народ», обращает внимание на Петербург, «где дымятся фабричные трубы и где толпы закоптелых рабочих встречаются на улице».

В 90-е гг. Засодимский увлекся теорией Л. Н. Толстого о нравственном самоусовершенствовании, отголоски этого

увлечения чувствуются в романе «Грех» (1893). В последние годы жизни писатель работал над рассказами для детей и теоретико-политическим трактатом «Деспотизм, его принципы, применение и борьба с деспотизмом».

Текст печатается по изданию: Засодимский П. Собр. соч.: В 2-х т. Спб., 1895.